

демонов!

3. И в самом деле, какой-то последователь Хрисиппа насмехается над нами, будто мы, признавая существование демонов, не доказываем этого, хотя только мы и изгоняем их из тел! Да ведь твои заклания, душа, говорят, что демоны существуют и вызывают отвращение! Ты называешь демоном человека, исполненного нечистоты, злобы, высокомерия или любого порока, который мы приписываем демонам, – и столь несносного, что он неизбежно вызывает ненависть. Ты понимаешь сатану всякий раз, как страдаешь, испытываешь омерзение или проклинаешь. А мы считаем его вестником зла, творцом всякого заблуждения, извратителем всего мира. С самого начала он так оболестил человека, что тот нарушил заповедь Божью и потому был отдан смерти, а тем самым подверг этому проклятию и весь род [человеческий], произошедший из его семени. Значит, ты чувствуешь губителя своего, – хотя знают его только христиане да какая-нибудь секта подле Господа, – но ведь и ты узнала его, раз возненавидела.

4. Ну, а теперь, что до суждения, которое более всего тебе близко, ибо относится к твоему собственному положению, то мы утверждаем: ты пребываешь и после конца жизни в ожидании Судного дня, когда сообразно заслугам будешь определена на муку или успокоение уже навечно. Для того чтобы испытать это, ты, конечно, должна получить обратно прежнюю свою субстанцию, – материю и память того же самого человека, – ибо ты не можешь чувствовать ни зла, ни добра вне способности плоти к ощущению, да и суд не имеет никакого смысла, если не представлен тот самый, кто заслужил приговор суда. И хотя это христианское мнение гораздо предпочтительнее Пифагорова, ибо не переселяет тебя в зверей; хотя оно полнее Платонова, ибо возвращает тебе тело, твое достояние; хотя оно серьезнее Эпикурова, ибо защищает тебя от гибели, – все же, за одно имя свое, считается пустым, глупым и, как говорится, предрассудком. Но мы не устыдимся, если ты подкрепишь этот наш предрассудок. Ибо, во-первых, вспоминая о каком-нибудь усопшем, ты называешь его «несчастливым» не потому, разумеется, что он лишился благ жизни, но потому, что уже подвергся суду и наказанию. Кроме того, ты называешь мертвых «покойными», признавая этим, что жизнь тягостна, а смерть благодетельна. Впрочем, ты говоришь об их покое и тогда, когда выходишь за ворота с яствами и напитками к могилам, чтобы принести жертвы скорее себе самой, или приходишь с могил, охмелев. А мне нужно твое трезвое мнение. Ты называешь мертвых несчастными, когда говоришь от себя самой, будучи далеко от них. Ведь на пиру, где они словно бы присутствуют, возлежа вместе с тобой, ты не можешь сетовать на их участь. Ты должна льстить тем, благодаря кому живешь веселее. Ты, значит, называешь несчастным того, кто ничего не чувствует? Но что на самом деле бывает, когда ты злословишь над ним, словно над чувствующим, поминая его с какими-нибудь язвительными нападками? Ты просишь ему тяжелой земли, а пеплу – мучения в преисподней. А кому ты обязана благодарностью за благую долю, костям и пеплу того ты просишь покоя и хочешь, чтобы в преисподней он "упокоился с миром".

Если для тебя нет страдания после смерти, если не сохраняется никакого чувства, если, наконец, ты и сама превращаешься в ничто, покинув тело, то зачем ты обманываешь себя, утверждая, что и по смерти способна чувствовать? Более того, почему ты боишься смерти, если тебе нечего бояться по смерти, ибо после нее нет страданий? Можно, конечно, возразить: смерти нужно бояться не потому, что она грозит чем-то в мире ином, а потому, что отнимает благо жизни; но так как одновременно ты оставляешь и много большие тяготы жизни, то страх перед худшей участью ты удаляешь тем, что приобретаешь больше. Да и вообще не нужно страшиться утраты благ, которая возмещается другим благом – успокоением от тягот. Не нужно страшиться того, что освобождает нас от всякого страха. Если ты боишься уйти из жизни, поскольку считаешь ее наивысшим благом, то тем более не следует бояться смерти, – ведь ты не знаешь, зло ли она. А если боишься, – стало быть, знаешь, что она зло. Но ты не сочла бы ее злом и не боялась бы, если бы не знала: бывает после смерти нечто такое, что делает ее злом, которого ты боишься. Не станем говорить о естественном страхе смерти: никто не должен страшиться того, чего не в силах избежать.

Я приступаю к другой части – [именно], к надежде на лучшее после смерти. В самом деле, почти всем врождено желание посмертной славы. Долго будет толковать о Курциях и Регулах или о греческих мужах, которых непрестанно хвалят за презрение к смерти ради посмертной славы. Да и сегодня кто не стремится упрочить о себе память, сохраняя имя свое литературными трудами, либо просто похвалою своим нравам, либо пышностью гробниц? Почему душа и сегодня стремится к тому, чего желает после смерти, и так усердно готовит то, чем будет пользоваться после исхода из тела? Разумеется, она ничуть не заботилась бы о будущем, если бы ничего о нем не знала.